

Засыпая, Александр услышал скрежет и шум осыпающегося стекла. “Это у Алины”. — Он рывком поднялся и, запахивая на ходу халат и едва попадая ногами в тапки, побежал вверх по лестнице в комнату дочери.

Нащупал выключатель и от вспыхнувшего нестерпимо яркого света на несколько секунд зажмурил глаза. В лицо ударил резкий порыв ветра, окатил дождевыми каплями. Сквозь разбитое окно в комнату текла вода.

— Паа-па... — раздался с кровати дрожащий голосок.

По захрустевшим осколкам Александр подошёл к окну, закрыл бьющуюся на ветру раму и задёрнул плотную штору — пока дочь не уснёт, всё равно ничего убирать не будет. Бросил беглый взгляд на кровать — не долетели ли осколки?

— Испугалась? Не бойся, солнышко, это всего лишь гроза, а мы с тобой забыли окно закрыть.

Рукавом халата он вытер девочке слёзы и взял её на руки.

— Держись.

Алина привычно обвила ручонками его шею, и он пошёл вниз.

— Чего-нибудь хочешь? — спросил он, укладывая её на свою кровать.

— Нет... Мне страшно было.

— Но теперь всё хорошо, правда? Помнишь, мы с тобою под дождь попали? Помнишь, как весело бежали? И ты ничего не боялась.

Алина прикрыла глаза, вспоминая.

— Но тогда было светло. И ты был со мною. И мама...

Лицо девочки замерло в недоумённой гримасе.

“Ах, дурак!” — От досады по телу пробежала жаркая волна.

— Хочешь, я тебе зефир принесу?

Алина непонимающе смотрела на отца.

— Зефир, говорю, будешь?

— Э-э-э, да.

С чувством освобождения он пошёл на кухню, поставил молоко в микроволновку и достал зефир.

“Опять всю ночь не уснёшь”. Досада за свою оплошность кольнула ещё сильнее. Ведь знал же...

Александр на цыпочках вернулся в комнату. Поджав ноги, девочка неподвижно сидела на кровати, слёзы обильно катились по её лицу.

“Глаза точь-в-точь, как у матери, большущие, синие”, — подумал Александр.

Он впервые увидел дочь, когда Алине было уже два месяца. Желая обрадовать жену, бесшумно открыл входную дверь, разулся, чтобы ступить неслышно, и, не раздеваясь, прошёл в комнату.

Надя сделала спиной к двери и грудью кормила ребёнка. Халат сполз по её спине, обнажая гладкую и необычайно белую кожу. Из-под её руки выглядывала крошечная пяточка, слышалось лёгкое кряхтение и причмокивание.

— На-дю-ша, — без голоса, одним выдохом позвал он жену.

Вскинув огромные синие глаза, она обернулась.

— Сашенька...

Монотонный гул микроволновки резко оборвался. Перелив молоко в чашку, он вернулся в комнату.

Не притронувшись к любимому зефиру, а сделав лишь несколько глотков молока, девочка неожиданно покорно легла.

— Не буду расстраивать маму. Но ты никуда не уйдёшь?

— Я буду здесь, спи.

Оставив гореть лишь маленький ночник, купленный на случай, когда Алину внезапно охватывал страх темноты, Александр сел рядом с дочерью и стал гладить её по голове. Белокурые волосы мягко струились меж пальцев. Что-то пробормотав, девочка уснула.

Александр сел в кресло рядом с кроватью. Уходящая гроза изредка освещала комнату фиолетовыми всполохами.

С Надеждой он познакомился, приехав в отпуск к сестре. Небольшое село находилось недалеко от крупного города и уже давно использовалось горожанами как загородная дача. Как и во всех сёлах, вынужденных делить соседство с городами, его население резко увеличивалось летом, когда жаждущие толпы горожан устремлялись на природу, и стремительно таяло, как только холодало.

Александр застал сестру перед телевизором. Расцеловавшись, она стала пересказывать последние новости.

— Ты слышал про Дагестан? Туда Басаев с каким-то Хаттабом вторглись. Хорошо же последний месяц лета начинается!

Он недовольно передёрнулся.

— Диана, ради Бога, выключи телевизор. Дай хотя бы у тебя передохнуть от этих новостей!

Сестра была старше его на десять лет. Едва закончив школу, она вышла замуж и уехала с мужем, когда Саша ещё с упоением играл со сверстниками в войну. Душевная близость между ними так и не установилась, хотя оба искренне интересовались жизнью друг друга и, в меру возможностей, заботились друг о друге. Диана немного робела перед братом, но никогда не показывала своего смущения.

Даже в отпуске он по привычке вставал очень рано. Последние годы, погружённый в кабинетную работу, тосковал по физической нагрузке, поэтому у сестры, чей дом стоял у реки, не упускал возможности подолгу плавать. В детстве матери стоило больших усилий дозваться его с реки, откуда он неизменно возвращался продрогший и сияющий.

— Эх, карась ты мой, — приговаривала она, растирая сына полотенцем. Это прозвище намертво приклеилось к нему, и близкие друзья иначе его и не звали.

Небольшая прибрежная поросль — вперемежку кустарники, огромные лопухи, редкие деревья — и вот — река. Неширокая, извилистая, словно созданная для неспешного отдыха.

Александр заплывал на середину и медленно плыл против течения, чтобы, устав, повернуть обратно и дать течению подхватить себя. Наплававшись, он ложился в кустах и смотрел на небо, гадал, на что похожи облака. Тело, отвыкшее от нагрузки, наполнялось томительной негой, и он быстро засыпал.

Он любил приходить на реку рано утром, когда никого нет и можно поплавать и полежать в тишине. Тут он впервые увидел Надежду. Задремав после плавания, не сразу услышал, что сквозь соседние кусты кто-то прошёл, похрустывая опавшими ветками и сухой травой. Он нехотя поднялся на локте и сонно посмотрел сквозь кусты. Сбросив невесомое платье, в воду медленно входила девушка в белоснежном купальнике с золотистыми разводами, словно слетевшими с искусно-небрежной кисточки художника солнечными брызгами. Русые волосы были убраны в две небольшие косички. Крепкое тело вошло в ту неповторимую женскую пору, когда девичье очарование сменяется неотразимой силой молодой женщины.

Не успел Александр вновь откинуть голову на траву, как девушка вскрикнула и опрокинулась в воду. Он вскочил и бросился к воде. Она безуспешно пыталась встать, но не могла удержаться на ногах и снова падала.

— Давайте руку, — крикнул Александр, заходя в воду.

Смахнув воду с лица, она подалась вперёд.

— Ай, не могу! Я ногу порезала!

В этом месте начинался резкий обрыв и, сделав всего три шага, он уже по горло стоял в воде.

— Не бойтесь, я держу вас. Можете идти?

— Больно... — зажмурилась девушка.

— Тогда давайте так.

Александр взял её на руки и стал медленно возвращаться к берегу, осторожно ступая по скользкому глиняному дну. Едва не упав у самого берега, опустил девушку на траву.

— Сильно ногу порезали?

— Не знаю, но больно...

— Здесь нужно осторожно купаться, на дне всегда полно ракушек. Давайте посмотрю.

На правой ступне действительно мрачно краснел глубокий порез. Кровь растекалась по мокрой ступне.

— Нужно перевязать.

— Но у меня ничего с собою нет, — сказала она и потянулась к ране.

— Не трогайте, у вас руки грязные.

Девушка положила руку на колено.

— Я сейчас вернусь.

Александр побежал в кусты, где оставил свою одежду. Вернувшись, разорвал свою майку на несколько длинных полос.

— Ну, зачем вы? Не надо!

— Тогда рвём ваше платье, согласны? — И он потянулся за её платьем.

Девушка замялась.

— Я его только купила, даже поносить не успела.

— Ну, вот видите. Тогда о чём разговор? Да и майку я уже разорвал.

Он вернулся к реке, намочил один кусок тряпки и зачерпнул в ладони воды.

— Не беспокойтесь, раненая, всё будет в лучшем виде. — Он вылил воду на ступню, смывая прилипший песок, вытер её мокрой тряпкой, а потом быстро перебинтовал сухим лоскутом. “А руки-то помнят”, — с удовольствием подумал он.

— Спасибо вам большое. Здесь такое дно скользкое, я никак не могла на ноги встать.

Только теперь он посмотрел ей в лицо. Резко выделялись большие синие глаза. Мокрые волосы прилипли к щекам.

— Я в детстве здесь все ноги себе изрезал. Крови потерял столько, что на значок почётного донора хватило бы!

Девушка улыбнулась:

— А вы здесь живёте?

— Я здесь родился и вырос, но уже давно уехал отсюда. Сейчас к сестре приехал.

— А я к подруге вчера приехала. Вот решила с утра искупаться и первым делом ногу порезала. Наверное, ходить будет больно.

— Ничего, заживёт. Не только ходить, но и бегать будете. Кстати, пора, наверное, познакомиться? Александр.

— Надя, — подала она в ответ свою руку.

Он долгим взглядом посмотрел на неё. Ей удивительно шло это имя.

— Мне пора домой, — прервала она его молчаливое созерцание. — Пожалуй, сегодня больше купаний не будет.

Надя оперлась на его руку и, ступая на пятку, медленно пошла, но пройти заросли кустарника ей оказалось не под силу.

— И как же дальше?

— Ну, здесь есть только один способ, если вы не против, — и, не дожидаясь ответа, он взял её на руки. — По-другому вам здесь не пройти. Летать же не умеете?

— Не умею, — согласилась Надя.

Многолетний сухостой трещал под ногами. Александр шёл медленнее, чем мог бы идти по этой дороге, которую знал с закрытыми глазами.

Отпуская расслабленность незаметно улетучилась. Неспешное течение времени, с ленивым перетеканием дня в ночь и снова в день вдруг обернулось мучительно долгими, лихорадочно пульсирующими минутами ожидания.

В мыслях Александр не расставался с Надей, безмолвно продолжая с ней бесконечный разговор — не важно, о чем, главное, говорить, а лучше — слушать её голос, немного глуховатый, но тем более неожиданно взлетающий в хрустальных переливах смеха. Сколько неизведанной, томительной сладости было в одном её имени и его бесконечном повторении... Её имя срывалось с губ, разлеталось звонкими искрами в лучах заката и тёплым шёпотом отдавалось в душе, замирая в блаженной немоте: Надя... Наденька... На-дю-ша-а...

Каждое утро, переплыв реку, Александр взбирался на невысокий, но крутой склон, цепляясь за кусты полыни, густо покрывавшие оба берега. Ладони пахли бодрящей горечью, давно забытым ароматом детства. К цветам он всегда был равнодушен и покупал их, не глядя, по каким-нибудь официальным поводам, и забывал о них, едва выпускал из рук. Сейчас, составляя букет, он любовно отбирал цветы, отбрасывая пожухлые и оставляя свежие. Они почти не пахли, разве что пылью и прокалённой солнцем землёй.

Сначала он рвал белые, затем к букету добавлялись цветы бледно-жёлтые и, наконец, розоватые. Других оттенков на поляне не предвиделось. Каждый день он старался разнообразить букет. Один день отдельно собирал белые, жёлтые и розовые цветы, и букет состоял как бы из трёх маленьких букетиков. В другой день раскладывал букет на десяток кучек: белый — розовый — жёлтый и снова: белый — розовый — жёлтый, а потом соединял в единый букет, и он начинал играть, неуловимо перетекая из одного цвета в другой. В третий день букет был нарочито небрежен. Иногда цветы обрамлялись тонкими веточками кустарника, чьи листья могли выигрывать оттенок простоту букета. Он упивался этой неожиданной цветочной забавой. Купить цветы в магазине ему даже в голову не приходило.

Когда букет после долгой игры сочетаниями оттенков был, наконец, готов, Александр бегом возвращался к реке. Спуститься по отвесному склону к воде можно было, лишь держась за кустарники. Он зажимал цветы в зубах и так спускался. Выходя из реки, останавливался, пригоршней черпал

воду и, взяв её в рот, шумно выдыхал, покрывая цветы мельчайшими водяными искорками.

Чем ближе Александр подходил к дому Нади, тем медленнее шёл. Чем сильнее билось его сердце, тем нарочито более неспешно он шагал, оттягивая момент встречи. Он без труда перелезал невысокий заборчик и неслышно подходил к открытому окну, рядом с которым стояла кровать Нади.

Когда он в первый раз принёс цветы, девушка от неожиданности даже вскрикнула. Вечером лил недолгий, но сильный дождь, и вся трава теперь обильно была смочена водой. Александр, не разобрав в предрассветном полумраке, положил влажный букет на ноги Нади. Вскрик, показавшийся в полутьме особенно пронзительным, сменился приглушённым смехом.

— Надя, Надя, это я, не бойся!

— Сумасшедший, ты напугал меня! Я вчера ужá видела. Бр-р-р, ужасно боюсь всех гадов ползучих. А тут мне почудилось, что по ногам змея ползёт!..

Он едва различал её лицо, но чувствовал, как жаркая волна радости течёт ему навстречу.

Надя появилась в окне, прижимая цветы к лицу. Александр шагнул вперёд и тоже уткнулся лицом в цветы. Влажные стебли растеклись по лбу, щекам. Он хотел отпрянуть, но цветы посыпались ему на плечи, шею обвили руки и у самого уха прошелестело:

— Спасибо, любимый.

Едва пробившейся щетиной он медленно заскользил по её щеке и уверенно прижался губами к её губам.

В последующие дни Надя уже ждала его утренних визитов. Она сдвинула кровать, чтобы изголовье оказалось точно напротив окна. Иногда, слышав хруст веток, она вставала ему навстречу, а иногда притворялась спящей, чувствовала, что на неё пристально смотрят, но не подавала вида. Александр никогда её не будил и, если она не вставала, стоял несколько минут и осторожно клал букет на подушку. Будто во сне Надя поворачивалась и зарывалась лицом в цветы. Влажный букет освежающе ласкал лицо.

Уткнувшись в цветы, Надя лежала ещё несколько минут, после чего пружинисто вскакивала, натягивала сарафан и, стараясь не шуметь, пробиралась к выходу, а чаще — незаметно выскальзывала в окно. Неслышно ступая, она нагоняла Александра и, очутившись в трёх шагах от него, вскрикивала, стараясь придать своему голосу зловещие нотки:

— Ага, попался! — и в один прыжок вспрыгивала ему на спину.

В первый раз Александр, не расслышав её шаги за спиной, даже присел, когда ему на спину кто-то внезапно прыгнул. Отработанным приёмом он едва не перебросил девушку через себя, но в последний миг замер, узнав Надин голос.

— Солнышко, я ведь тебя мог покалечить, — произнёс он виноватым и непривычно дрожащим голосом. А ведь и правда — мог.

Несколько мгновений Надя недоумённо смотрела на него, но потом безмятежно улыбнулась. Огромные глаза смотрели на него с полным доверием. Девушка прильнула к нему в глубоком, неотрывном поцелуе.

— Не... — глубокий вдох и вновь поцелуй, — ...мог, — выдох, — ты меня, — ещё вдох, — покалечить, — выдох и снова поцелуй. Надя разомкнула губы и прижалась щекой к его щеке, крепко обхватив его шею, словно ища защиты.

— Наденька моя. — Александр подхватил её на руки, неотрывно глядя ей в глаза.

В последующие дни он шёл медленно, стараясь расслышать Надины шаги и, резко обернувшись, поймать её в прыжке.

В один из дней Надя так и не появилась. Александр, прождав её добрый час, вернулся домой и сел на лавочку у небольшого сада, который был разбит перед домом. В саду росли смородина, несколько яблонь и стоял полусгнивший дуб.

Машинально достал сигарету.

“Надо же, — поймал он себя на мысли, — сколько дней уже не курю, даже не заметил. Но где Надя? Проспала?”

— Не оборачивайся, — раздался голос за спиной.

Александр невольно дернул плечом.

— Спокойно, — произнёс муркающий голосок.

На его плечи легли руки, скользнули к локтям, а потом легли на голову.

— А вот и я! — зашуршало над ухом. — Думал, не приду? Просплю?

Ни за что!

Отпуск стремительно приближался к концу. Отъезд решили отметить походом в лес, на шашлыки. Собственно, это был не лес, а небольшая берёзовая посадка, которая была в полудне ходьбы от дома. С заготовленным мясом, охлаждённым красным вином и корзиной овощей они двинулись в путь. Надя была молчалива и казалась растерянной.

“Сегодня всё должно решиться. Моей холостой жизни пришёл конец”. Александр мысленно на всевозможные лады повторял: “Надя, ты будешь моей женой?” Жена! Какое тусклое, словно походная амуниция, слово... Он поднял глаза на Надю, шедшую на полшага впереди. Белый сарафан на бретельках-ниточках, тонкие руки, — он на мгновение даже почувствовал, как они обвивают его шею, — улыбка, показавшаяся ему встревоженной. Жена! Какое свежее и желанное слово!

— Ты не устала? — спросил он, чтобы прервать уже нестерпимое молчание.

— Нет.

— Наверное, нужно было придумать что-нибудь поближе, а не ходить в такую даль?

— Да нет, ты много рассказывал про эту берёзовую посадку.

Было ещё утро, но солнце уже пекло нестерпимо. Шли мимо полей подсолнечника. Тяжёлые круглые шапки склонились почти до земли, обнажая пожелтевшие затылки. Надоедливая мошкара липла к потным телам. Надя споткнулась о проволочку, торчащую из земли.

— Мы дойдём когда-нибудь до твоей посадки?

— Потерпи, вон она, видишь? — и Александр указал на цепочку берёз перед ними.

— Потерпи, потерпи, — отозвалась Надя.

Он мысленно и сам уже не раз обругал свою затею с шашлыками. Солнце шло к зениту; значит, будет ещё жарче, а потом наступит нестерпимое марево. Дышать будет вовсе нечем.

Наконец, дошли до посадки. Она была негустой, но прямого солнца всё же в ней не было. Расстелили одеяло и одновременно с жадностью схватили бутылки с водой. Александр развёл костёр и стал быстро насаживать мясо, пахнущее ароматным маринадом, на шампур. Капельки сала, падая на угли, вспыхивали голубоватыми искорками.

— Надюша, сейчас всё будет готово. Знаешь, самый лучший шашлык я ел на Кавказе. У нас ничего с собою не было, замариновать мясо не в чем. Тогда мы просто залили баранину водой из колодца. Более восхитительного мяса я никогда не пробовал! Хотя тогда нам было не до кулинарных изысков. Думаю, мы и полусырое мясо с радостью бы съели.

Надя села на бревно в отдалении от костра, отрешённо глядя на переливающееся разноцветье углей и неспешно отхлёбывая воду из бутылки.

— Надя, что с тобою?

Предвкушая предстоящее объяснение и заранее предвидя её “да”, он недоумевал, глядя на её сумрачный вид.

Огненные куски мяса были разложены по тарелкам вместе с кусочками лука, помидорами и присыпаны пушистой горькой зелени.

— Последний штрих, — сказал Александр, откупоривая бутылку с вином, завернутую в полотенце, чтобы дольше сохранить прохладу. — Занимайте места согласно купленным билетам.

Надя подошла ближе к костру, выжидательно глядя на хлопочущего Александра. Он подал ей стакан с вином.

— Надюша, сегодня мы с тобою в последний раз...

— Ах, всё-таки в последний?! — перебила она его. — Я так и знала! Решил на прощание...

Она швырнула стакан в догорающий костёр и сделала шаг ему навстречу, неотрывно глядя ему в глаза.

— Надюша! — Александр обескуражено смотрел на неё.

— Что Надюша? Наше расставание не нужно было столь пафосно обставлять!

Она с остервенением пнула кастрюлю с шашлыком — куски мяса разлетелись по поляне.

— Сама дура, размечталась... — Надя закашлялась, гнев перехватил её горло. — Ненавижу тебя! Ненавижу!

Она прижалась к берёзе и разрыдалась. Он впервые видел её плачущей, и ему было нестерпимо смотреть на её слёзы.

— Господи, Надя! Ты всё неправильно поняла!

— А что тут понимать?! Развёл лохушку на отпускной роман! Молодец! Поздравляю!

— Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж! — закричал Александр, чтобы заглушить причитания Нади.

Она вскинула на него непонимающие глаза.

— То про последнюю встречу говоришь, то замуж зовёшь, это как?..

Александр облегчённо выдохнул и, подойдя к Наде, крепко обнял её. Она передёрнула плечами, стараясь сбросить его руки.

— Прости, я так глупо выразился. Хотел сказать, что мы сегодня последний раз встречаемся как свободные люди, а дальше — куда я, туда и ты. Жена за мужем, как нитка за иголкой.

— Значит, ты делаешь мне предложение?

Александр расцепил руки.

— Я люблю тебя, Наденька. И хочу, чтобы ты стала моей женой. Это, по-моему, и так понятно...

— Кому понятно? — вскинула голову Надя, смахивая слёзы ладонью.

— Ну, мне... нам... а разве нет?..

Эта мысль не приходила ему в голову.

— А я что, мысли твои могу читать? Я извелась вся. Тебе скоро уезжать, а ты всё “люблю” да “люблю”, а дальше-то что?! Ни полслова! А я, как и любая женщина, хочу определённости, хочу будущего! Что здесь непонятного?

— Прости, — виновато бормотал Александр, — я думал, ты чувствуешь... что слова здесь не нужны...

— Дурачок, любовь не терпит тишины и ищет знаков подтверждения!

Её раздражение вмиг иссякло.

Поглощённые внезапной ссорой и примирением, они не заметили, как резко усилился ветер.

— Саша, смотри! — Надя вскинула руку, указывая на что-то.

Со стороны поля, гонимое шквальным ветром, на посадку стремительно шло плотное облако пыли. Солнце заволокло иссиня-чёрными маслянистыми тучами. Надвигалась гроза; отчётливо запахло сырой пылью.

— Ну, и что теперь делать? — закричала Надя.

Он почти не слышал её. Берёзовые ветви со свистом хлестали друг друга. Временами ветка, сухо треснув сломанным суставом, падала им под ноги.

— Иди ко мне, — позвал Александр, поднимая с земли одеяло.

Встав за дерево, он едва успел с головой обернуть себя и Надю, как по одеялу с шипением забарабанили пыль, поднятый прибрежный песок и ветки, чувствительно коловшие сквозь ткань. Дневной зной исчез. С мучительным томлением земля ждала освобождающего ливня.

Наконец, первые крупные капли стали падать на кучки пыли, собравшиеся у их ног. Одиночные капли моментально сменились стеной мощного дождя; земля, раскрывшись навстречу ливню, жадно впитывала воду. Одеяло насквозь промокло, но Александр по-прежнему стоял, закутавшись в него вместе с Надей. Воздух свежел, от мокрого одеяла становилось зябко. Александр прижал девушку к себе и почувствовал жаркое Надино тело, облепленное мокрым сарафаном. Она вновь прижималась к нему доверчиво и ласково, как раньше.

— Наденька... — ему вдруг нестерпимо захотелось услышать собственный голос, произносящий её имя, — Наденька, солнышко моё...

Она оторвала лицо от его груди и посмотрела своими пронзительно синими глазами. Он мог бесконечно любоваться переменчивой игрой этих глаз — неподвижно-задумчивых и оттого особенно глубоких, да что там — бездонных; весёлых и словно сыплющих искорками бенгальских огней; тревожных, беспокойно бегающих, но ничего не видящих.

Александр впился в её горячие губы, жадно обнимая девичье тело, ещё минуту назад отчуждённое, а сейчас радостно-отзывчивое, доверчиво лynuщее к нему и ответно напористое в безрассудном натиске.

Ветви и корни деревьев впивались им в спины, но они этого не замечали; белоснежный сарафан, местами разорванный, стал чёрно-зелёным от травы и грязи, под ногами хлопала вода...

Александр проснулся. Было ещё темно, изредка вспыхивали молнии, но дождь уже кончился. Ко влажному воздуху примешивался тягучий аромат черёмухи, которая росла у дома.

Всё, как тогда...

Он чувствовал рядом с собой что-то тёплое и влажное.

— Наденька... — позвал он, решительно загребая что-то в охапку.

Это было одеяло, к которому он привалился во сне.

Теперь Александр проснулся окончательно. В свете ночника увидел на кровати дочь. Девочка во сне сбросила одеяло, а сейчас, замёрзнув, подтянула колени едва не к подбородку. Он укрыл Алину и, поперхнувшись, стал кашлять, быстро выходя из комнаты. Кашель не проходил, и Александр, прыгая через две ступеньки, оказался у себя.

Тяжёлое давление в груди, наконец, прорвалось. Его плечи тряслись; сдёрнув простыню с кровати, он вытирал лицо, по которому неудержимо текли слёзы. Когда он плакал последний раз? Наверное, ещё маленьким мальчиком. Потом — нет. Не положено.

Сдержался даже в тот день, когда провожал её, холодную и уже нездешнюю. Слёзы шли мучительно, словно преодолевали мощную преграду, а следом за ними пришло ощущение измождённости и освобождения.

Только в ночи, когда едва проснёшься, переживания бывают столь яркими, а воспоминания — обжигающими.

...Цветы... Ага, попался!.. Думал, не приду? Ни-за-что!.. Посадка... сарафан белый... зелёный... Глаза большущие, синие... Алина... и... "Со святыми упокой..."

Александр рыдал в голос, без стеснения.

Из разбитого окна шёл ароматный, словно промытый дождём воздух. Он любил дождь.

И Надя — тоже.

Он проснулся, как всегда, рано. Многолетняя привычка не нуждалась ни в каких будильниках.

Сварил кофе. По утрам он никогда не завтракал.

Тщательно побрился. В ванной навёл на себя горячую струю, стоял, пока мог терпеть. Потом ледяную. И снова горячую.

Сегодня нужно уезжать. Он достал из шкафа шкатулку, в которой хранились Надины украшения. Золотая цепочка с витиеватым кулоном — его свадебный подарок. Серёжки с рубиновыми глазками, подаренные Наде матерью на совершеннолетие. Браслет, сделанный по его рисунку в честь рождения дочери — "Алькин браслет", как его называла Надя. Его она любила больше всего и редко снимала. Александр крепко сжал браслет в руке. Вспомнил, как Надя, с трудом одолев застёжку, протянула ему браслет и процедила:

— Отдай... Але... когда вырастет... на па... обо мне...

Александр захлопнул шкатулку, подождал, пока схлынут воспоминания о последней встрече с женой. Он часто перебирал эту шкатулку, обычно по ночам. Подолгу держал каждую вещь. Но сейчас, в дорогу, не хотел беречь душу. Достал обручальное кольцо Нади и, подойдя к зеркалу, расстегнул

цепочку с нателным крестом. Повесил кольцо на цепочку, затем второе и вновь застегнул. Убрал шкатулку, вернулся в комнату, где спала Алина.

Вещи собраны с вечера, осталось только одеться и дожидаться Диану.

При его отлучках Алина всегда оставалась с Дианой. Её сыновья выросли, и она с радостью занималась с племянницей. Хотя бы так сбылась её мечта иметь дочку. Александр был спокоен за дочь и благодарен сестре за ту трепетную нежность, которой она окружила Алину.

Защёлкал замок — Диана.

Александр смотрел на сестру и всегда вспоминал слова матери:

— Вы же брат с сестрой. Держитесь друг за друга.

Они и держались.

— Ты уже собрался? Помочь чем-нибудь?

— Уже всё собрано. В комнате Алины окно разбилось. Я осколки собрал, но вы там поосторожнее, вдруг что-то не заметил.

— Хорошо, я ещё раз всё осмотрю, не волнуйся.

Помолчав, добавила:

— У тебя невыспавшийся вид.

— Да, спал неважно.

— Волнуешься?

— Нет, это от другого.

Александр не стал уточнять, и Диана деликатно промолчала.

— Ну, что? Присядем на дорожку?

Он пытался выглядеть беззаботным, но сестру этим не обмануть.

— Присядем.

— Про Алину не говорю... Уверен, что...

— Саш, ты же знаешь...

— Знаю. Ну, с Богом.

Александр встал и на цыпочках вошёл в комнату. Алина лежала на спине, раскинув руки и едва заметно улыбаясь. Он нагнулся и поцеловал девочку в лоб.

— Храни тебя Бог, доченька.

Диана, стоя у него за спиной, перекрестила его. Раздался звонок. Александр вышел из комнаты и взял телефонную трубку:

— Слушаю.

— Товарищ генерал, машина ждёт вас.